

Д.С. Жуков, С.К. Лямин

Модель политико-институциональной модернизации – Модернофрактал

Model of political and institutional modernization – Modernofractal

Исследование выполнено в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы, проект «Форсированная модернизация политических институтов: компьютерное моделирование, прогнозирование результатов и нелинейных эффектов» (госконтракт № П930 от 26 мая 2010 г.), а также гранта РФФИ №10-06-00250-а «Компьютерное моделирование модернизационных процессов средствами фрактальной геометрии»

Аннотация, abstract: В статье излагаются подходы к построению фрактальной модели, которая должна имитировать трансформацию административно-политических институтов. Рассматриваются некоторые базовые понятия институционализма. В частности, излагаются существующие представления о соотношении формальных и неформальных, модернизированных и традиционных аспектов институтов.

This article presents approaches to construction of the fractal model, which should simulate the transformation of the administrative and political institutions. We review some basic concepts of institutionalism. In particular, it presents existing ideas about the relation of formal and informal, modern and traditional aspects of institutions.

Авторы, authors: Жуков Дмитрий Сергеевич – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, кандидат историче-

ских наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, ineternatum@mail.ru

Лямин Сергей Константинович – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории, laomin@rambler.ru

Zhukov, Dmitry – Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD in History, Associate Professor of the International Relations and Political Science Department in Tambov State University, ineternatum@mail.ru

Lyamin, Sergey K. – PhD in History, Associate Professor of the Russian History Department in Tambov State University named after G.R. Derzhavin, laomin@rambler.ru

Ключевые слова, keywords: фрактал, компьютерная модель, политические институты, административные институты

fractal, computer model, political institutions, administrative institutions

УДК 03.23.55

Применение методов теории хаоса (в т.ч. фрактальной геометрии) позволяет создавать математические компьютерные модели, симулирующие развитие различных феноменов. Коллектив Центра фрактального моделирования (цфм.рф) накопил довольно обширный опыт применения фрактальной методологии для исследования трансформации социальных и административно-политических институтов. Средства и подходы фрактальной геометрии предоставляют исследователю удобный инструментарий для изучения процессов, включающих фазовые переходы, «парадоксальную» несоразмерность причин и следствий, иные нелинейные эффекты. В ряде предшествующих статей авторов изложены математические основы фрактальной модели политико-институциональной модернизации – Модернофрактала. В этой статье мы изложим исходные теоретические положения для построения модели и некоторые выводы – результаты качественной интерпретации компьютерных экспериментов с Модернофракталом.

Исходные положения для построения модели Модернофрактала

Для построения модели нам необходимы исходные гипотезы, выражающие существо изучаемой системы и её динамики. Заметим, что под исходными (своего рода «априорными») гипотезами для моделирования, как правило, подразумеваются далеко не гипотетические в прямом смысле этого слова, а, напротив, хорошо обоснованные объяснительные схемы.

Подбирая гипотезы, мы стремимся сконструировать такую модель, которая могла бы

симулировать реальную систему – административно-политический институт (или их совокупность).

Для наших целей мы избрали несколько известных схем, описывающих модернизацию, а также институциональную динамику в целом и её российскую специфику, в частности. В самом кратком виде эти исходные положения можно сформулировать следующим образом. Модернизация в России имеет форсированный (ускоренный и усиленный) характер. Модернизация сопряжена с преобразованием сверху, поскольку верховная государственная власть выступает как модернизационный субъект – источник модернизационных импульсов. Общество (а в нашем исследовании – административно-политические институты и связанные с ними социальные среды) в таком дискурсе выступает как объект, обладающий (или не обладающий) некоторой мерой модернизационного потенциала, модернизационными потребностями и пр., а также определённым образом реагирующий (отвечающий) на модернизационные вызовы. В качестве базового объяснения специфики российской модернизации мы избрали концепцию «осажденного общества» А. Рибера. Во-первых, это довольно стандартная схема, легко сопрягающаяся с такими классическими идеями как «многоукладность», «мозаичность», «слоёный пирог», «второй эшелон» и т.п. Во-вторых, эта схема если и не предусматривает прямо, то предполагает объяснения некоторых «нестандартных» эффектов модернизации через отсылку к метафоре перегрева социального организма в результате форсированного характера модернизации, усиленного модернизационного «давления сверху». Это опять-таки классическое представление.

Что касается объяснительных схем институциональной структуры и институциональ-

ных трансформаций, то мы воспользовались классическими идеями ведущих теоретиков институционализма Д. Норта и Д. Найта, положениями социетального институционализма, который рассматривает не только формальные, но и неформальные институты. Именно коллизия формальности-неформальности (вместе со всеми её многочисленными и не всегда позитивными следствиями) характерна, по мнению исследователей, для российской действительности и, соответственно, эвристически продуктивна для моделирования. Мы основываемся на значительных наработках в области институционализма, сделанных в исследовательском комитете по институциональным исследованиям РАПН (Российской ассоциации политической науки), в частности – в работах П.В.Панова, С.В.Патрушева, А.Д. Хлопина). Для разметки фазового пространства нашей модели также использована модифицированная классификация институтов Г. Хелмке и С. Левицки.

Детализируем некоторые означенные выше представления, использованные при построении модели Модернофрактал.

Модернизация и осадочное общество Альфреда Рибера

Американский историк А. Рибер предложил метафору «осадочного общества»⁵⁹ для характеристики запутанности социальной структуры России имперского периода. Причём, эту метафору без особой модификации можно перенести и на институциональную структуру, что неявно делал и сам А. Рибер. Его представления, изложенные, в частности, в известном статье «*The sedimentary soci-*

⁵⁹ Rieber, Alfred J. Chapter 21, *The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991.

ety», довольно распространены в российском историческом сообществе.

Российское общество уже к началу XX века, утверждает американский историк, представляло собой сложную совокупность «наслоенный», «осадочных пластов», которые являлись архаичными, но не ликвидированными социальными структурами и практиками. Такой социум сложился в результате процесса, в котором исторические формы общественных систем, господствующих норм и «правил игры», вместо того, чтобы последовательно уничтожаться, уступая место новым более прогрессивным формам, откладывались вместе и сосуществовали. Модернизация не всегда, таким образом, инициировала линейную смену одной социальной формы другой; вместо этого они переплетались, вступая в сложные отношения между собой.

А. Рибер утверждает принципиальную возможность взаимного влияния социума на административно-политические институты и обратно. «Надо отметить, что социальные группы не были невосприимчивыми к изменениям в их столкновениях с институтами; всегда имелись взаимные, хотя и редко равные по силе, влияния друг на друга. В царской России институциональные структуры вне покровительства верховной власти, то есть самодержавной власти, как правило, были хрупкие и уязвимые для социального давления в течение длительного периода времени».⁶⁰

«За последние десятилетия, – продолжает А. Рибер, – исследования поставили под сомнение некогда преобладающее мнение, что государство может с удивительной силой и

⁶⁰ Rieber, Alfred J. Chapter 21, *The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991. P. 343.

самосознанием как формировать, так и изменять общество, подобно тому как скульптор может вколачивать инертный кусок глины в желанную форму. Теперь уже ясно, что на протяжении всего девятнадцатого века интенсивные изменения в высших слоях общества глубоко изменяли и институты власти. Изменение социального состава и образовательного уровня персонала в центральных административных органах имело далеко идущие последствия для подходов, ценностей и моделей поведения должностных лиц, а также влияло и на формирование политики».⁶¹

Для нас подобного рода утверждение ценно тем, что устанавливает связь между модернизацией административного института и модернизацией его социальной среды (внутреннего состава и непосредственного внешнего окружения). Институциональная трансформация в этом случае перестаёт быть узко-технической проблемой и увязывается с социальной трансформацией. Конечно, такой подход, признающий фундаментальную сложность имеющихся проблем во всей их социо-политико-экономической совокупности, на первый взгляд, не всегда способствует выработки конкретных реформаторских шагов и определённых рекомендаций. Однако, безусловно, это не есть врождённое свойство самого подхода.

Даже применительно к имперскому периоду, А. Рибер считает возможным говорить о неразрывности административных институтов, их социальной базы и социального окружения. «Если аналитические категории государства и общества в настоящее время представляются несколько искусственными,

⁶¹ Rieber, Alfred J. Chapter 21, *The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991. P. 344.

то, возможно, выбор между государством или обществом в качестве основной движущей силы русской истории следует также представить как весьма произвольный... Возникло некоторое своеобразное историческое качество: ... государство проводило активный интервенционистский курс в своих попытках организовать и направить социальные группы. Вряд ли нужно перечислять все многочисленные – крупные и мелкие – эпизоды этого вмешательства: введение Петром совершенно новой социальной стратификации, попытки Екатерины создать городское общество и гомогенизировать администрацию многонациональной империи, Александровская эмансипация крепостных (самый грандиозный пример мирного освобождения крестьян и конфискации благородной собственности в современной европейской истории), начало промышленной революции сверху. Во всех этих великих исторических моментах важно отметить следующее: что бы государство ни делало, оно сталкивалось с сопротивлением, с неполнотой результатов реформ. Безусловно, каждое преобразование создавало новые социальные условия, но, в то же время, это не была гибель или уничтожение прежних социальных условий, которые, по замыслу, должны были быть заменены. В результате этого процесса возникло то, что может быть названо осадочным обществом... Хотя метафоры в истории могут быть опасными, если злоупотреблять ими; они могут быть весьма эффективны в драматично смещённой перспективе. В нашем случае использованный образ предполагает, что на протяжении новейшей истории России накапливалась последовательная серия общественных форм, каждая из которых представляла собой слой, который охватывал всё или большую часть общества, не изменяя старые формы, лежащие под поверх-

ностью. Государство постоянно пыталось, без успеха, навести порядок в социальном потоке. Но территория, подлежащая регулированию, была слишком обширной, государственные слуги слишком малочисленны, ... а различий слишком много...».⁶²

Представления А. Рибера об институциональной модернизации в России укладываются в классический сценарий, господствующий в российском экспертном сообществе: «модернизационное давление государства *против* традиционалистской инертности общества». Однако в работах А. Рибера эта коллизия значительно усложняется: российское общество невозможно представить как кусок сырой глины в руках царя/генсека/президента-реформатора, поскольку социум, уже в значительной мере модернизированный, обладает собственными модернизационными потребностями и возможностями. Игнорирование и (или) умаление уровня развития и модернизационных потребностей генерировало частые реформаторские ошибки; вместе с тем, и государство не всегда чётко придерживалось модернизационного курса: «В России, – пишет А. Рибер, – реформы, требующие быстрых и радикальных социальных изменений, почти неизменно были инициированы сверху, а не снизу. Реформы, чаще всего в качестве ответа на системный кризис, который угрожал политическому организму, начинались без особой подготовки и без каких-либо консультаций с населением. Курс реформ был нерегулярным, в зависимости от единства и решимости правящей элиты, сопротивления или безразличия населения, а также от отвлечения внимания на

62 Rieber, Alfred J. Chapter 21, *The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991. P. 361 – 362.

иностранные войны или внезапную смерть правителя. Учитывая произвольный характер самодержавия, всегда можно было затопить страну новым законодательством и продвигать самого радикального рода новации. Но сильная капризность властей лишала государство средств, чтобы сделать реформы перманентными, то есть узаконить изменения с помощью конституции, правового порядка или даже доминирующей идеологии. Все, что было сделано, можно было столь же легко отменить, или, по крайней мере, всё можно было скрыть. В то же время, население, скорее всего, игнорировало или уклонялось от изменений, принимая их форму, но не включая в свои стремления, если, конечно, изменения не соответствовали насущным потребностям населения. В этой ситуации непостоянство вещей преобладало на поверхности, и глубокая континуальность лежала под ним».⁶³

Риберовские представления во многом противопоставлены парциальной модели модернизации⁶⁴, которую часто (явно или неявно) используют западные и отчасти российские исследователи применительно к России. Модель парциальной модернизации описывает колониальное общество, в котором модернизационный импульс возникает всецело во-вне и прохождение этого импульса сквозь социальную или институциональную «туземную

63 Rieber, Alfred J. Chapter 21, *The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991. P. 362-363.

64 Rueschemeyer D. *Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons*/ Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756-772. См. в: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзорение* / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168.

среду» колониального общества ведёт к парциальным эффектам (к частичной сегментарной трансформации). Обратим внимание на то, что такой сценарий не используется для построения Модернофрактала, поскольку в России модернизационный импульс имеет преимущественно эндогенный характер.

Отметим отношение к парциальной теории, которым мы руководствовались, формулируя модель Модернофрактала. Признавая наличие эффектов парциальной модернизации (модернизационной мозаичности российского социума), полагаем, что, во-первых, модернизационные импульсы не являются всецело внешними (колониальными) и носят преимущественно внутренний характер, что означает наличие глубоких внутренних модернизационных потребностей. Во-вторых, традиционные институты, значительно трансформируются под воздействием этих модернизационных импульсов. Возникший сплав институтов с разными характеристиками невозможно описать посредством простого количественного соотношения модернизированных/немодернизированных свойств. Именно поэтому метафора А. Рибера рассматривается нам как более эмпирически обоснованная именно по отношению к российским реалиям.

Мозаичность и осадочный (слоистый) характер институциональной среды в России обнаружен многими исследователями. Причины этого феномена не слишком важны для построения модели, но отметим основные объяснения этих причин. Во-первых, форсированный характер российской модернизации, которая просто «не успевала» в необходимой мере преобразовать всё социально-политическое пространство страны. Во-вторых, слишком большие различия в типах обществ,

населяющих Россию (тогда как часть социальных пространств успешно втягивается в постиндустриальную фазу, другая – существует в индустриальной среде, третья – культивирует политические ценности и практики родоплеменного строя и т.п.). В-третьих, исследователи обратили внимание, что модернизационные фазы сменялись фазами «застоя» и даже «контрреформ» и сделали вывод о том, что для российской модернизации присущ циклический характер.⁶⁵

Мы не обсуждаем вопрос о правомерности «волновой» теории модернизации – для нас более важна другая поправка в классическую теорию, сделанная отечественными исследователями. А именно: модернизация это процесс не только не линейно-поступательный, но и не постепенный, то есть модернизация содержит фазовые переходы, на которых мы и сосредоточимся в других разделах нашего исследования. Для форсированной модернизации сверху характерна именно волатильность интенсивности и направленности, нарастание социальных диспропорций – то есть, в частности, те самые явления, которые упоминались выше: многоукладность, осадочность, мозаичность.

Таким образом, исторически обусловленная «генетическая» специфика российских административно-политических и социальных институтов признаётся большинством исследователей.

Осадочная институциональная структура предполагает, по нашему мнению, некоторые любопытные эффекты. «Опыт Запада показал: основной итог модернизации – осовременивание до- и ранне-индустриальной

65 Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. 1998. № 2.

социально-экономической структуры, лишение ее “традиционных” элементов способности к регенерации и саморазвитию»⁶⁶ – таков классический вариант институциональной трансформации: динозавры вымирают, приматы процветают и т.д. Между тем, в России традиционные (или точнее – недостаточно модернизированные) институты, хотя и потеряли способность к восстановлению в исходном виде, но сохранили некоторую возможность адаптации и патологического поглощения (вытеснения, метаморфоза) модернизируемых институтов.

Институциональная мозаичность (сочетание модернизированных и «недомодernизированных» элементов), которая в любых теориях объясняется несинхронностью и незавершенностью процесса институциональной модернизации, имеет первостепенное значение для выработки технологий и анализа перспектив модернизации как таковой и административно-политических преобразований – в частности. Вот несколько замечаний на этот счёт академика РАН В.М. Полтеровича: «... Улучшение важнейших институтов не всегда возможно. В частности, подобная ситуация имеет место, если система с недостаточно развитой политической культурой оказывается в институциональной ловушке. Например, если коррупция распространена повсеместно, то индивидуальный отказ от коррупционных стандартов поведения невыгоден агентам, а координация их усилий невозможна из-за неразвитости политической системы и гражданского общества. Аналогично некавалифицированная и коррумпированная бюрократия не может и не хочет проводить административную реформу; тем

66 Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. 2000. № 3. С. 104 – 116.

самым консервируется и низкая квалификация чиновников, и коррупционный характер системы. <... > Вместе с тем связь между экономическим ростом и качеством институтов является двусторонней: высокое их качество способствует росту, быстрый рост облегчает совершенствование институтов. Благодаря этому появляется шанс выйти из ловушки, если только удастся инициировать рост. Тем самым на первый взгляд оправданы попытки реализации модернизационной стратегии первого типа [модернизация сверху]».⁶⁷

Институционализм, социетальный институционализм

От описания представлений о модернизации, на которых мы основывались при выработке модели Модернофрактала, перейдём к описанию «институциональной составляющей» исследования. Для описания базовых понятий и объяснительных схем институционализма обратимся к докладу «Институционализм и политическая трансформация России», подготовленному для Российской ассоциации политической науки (РАПН) группой исследователей (С.Г. Айвазова, П.В. Панов, С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин)

«Методологически новый [неоинституционалистский] подход отказался как от “грубого структурализма”, так и от крайностей бихевиорализма и теории рационального выбора (которая практически не учитывала ни социального контекста, ни институционального). Две проблемы являются ключевыми для неоинституционализма: как институты (в качестве одного из факторов) влияют на политическое поведение, на политическую

67 Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Экономический портал. <http://institutiones.com/strategies/960-strategii-modernizacii0instituti-i-koalicii.html>

жизнь – с одной стороны, и как возникают и изменяются политические институты – в другой стороны. Неоинституционалисты полагают, что политические институты можно переделать для более справедливого функционирования, потому что политические решения, сделанные в рамках этих институтов, могут их изменить с тем, чтобы произвести лучших граждан. Проблема содержательных норм для оценки политических процессов и их результатов является центральной для институциональной теории».⁶⁸

Теоретик институционализма, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 года американский исследователь Дуглас Норт рассматривает институты как совокупность собственно людей и норм их взаимодействия («правил игры»). Причём, институты имманентно присущи человеческому обществу. Можно сказать, что они – неизбежный способ самоорганизации.

Д. Норт обосновывает причины устойчивости институтов, выходящие за рамки «незыблемости» формальных регламентов и организационных структур. Дело в том, что институты самовоспроизводятся, поскольку являются наличными формами взаимодействия различных акторов – людей, других институтов. Изменение наличной формы взаимодействия требует совместной воли и действий акторов, что само по себе труднодостижимо в условиях неполной информированности акторов о мнениях, позициях, намерениях и возможностях друг друга. Более того, ликвидация даже самых архаичных и создание самых современных институтов

68 Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

требует определённых издержек, ведёт к появлению негативных побочных эффектов. Поэтому зачастую институциональная трансформация, имеющая в виду извлечение выгод для акторов, сдерживается негативным балансом издержек и приобретений.

Немалую роль в системе представлений Д. Норта играет свойство институтов, которое мы могли бы назвать историчностью: институты существуют вообще и существуют в наличном конкретном виде, постольку поскольку они исторически сформировались и унаследованы акторами: «Способность институциональной матрицы к самоподдерживанию, создающая “эффект блокировки”, порождается зависимостью организаций от институциональных рамок, в которых они возникли, и последующим возникновением структур, сопутствующих данным организациям. И формальные, и неформальные институциональные ограничения ведут к образованию вполне определенных организаций, структурирующих взаимодействие в обществе. Эти организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а потому результативность их деятельности зависит от этой системы».⁶⁹

Таким образом, акторы функционируют в системе, где уже есть институты – и отказ от сотрудничества с ними может вывести актора за пределы системы. «Институциональное окружение в значительной мере определяет ресурсы акторов, и тем самым ограничивает набор доступных для актора стратегий».⁷⁰

69 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 23.
70 Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

Д. Норт различает институты современные и архаичные. Развивая институционалистские представления, прежде всего, в сфере экономики, он указывает на разную экономическую эффективность институтов разных типов. Можно сказать, что в системе взглядов Д. Норта эффективность института можно довольно точно измерить (величинами транзакционных издержек, выраженных в денежных единицах). И, конечно же, эффективность модернизированных институтов оказывается на порядок выше. К сожалению, применительно к административно-политическим институтам, являющимся предметом нашего исследования, трудно и в большинстве случаев практически невозможно применить такой универсальный индикатор как монетизированная величина издержек/приобретений.

Д. Норт описывает сосуществование институтов разного типа (или разного уровня развития): «...Совокупность институтов того времени (как и сегодня – Д. Норт) носила смешанный характер: одни институты способствовали росту, другие снижению производительности... Чтобы рассмотреть институциональные рамки, которые не поощряют, а тормозят экономическую активность, обратимся к условиям, господствующим во многих странах “третьего мира”, а также к условиям, которые имели место на протяжении большей части мировой истории. И в этом случае политические и экономические руководители имеют смешанный набор возможностей, но всё же по большей части эти возможности поощряют скорее деятельность по перераспределению, чем по производству материальных благ, формируют скорее монополии, чем конкурентную среду, и скорее ограничивают, чем расширяют выбор. Они редко стимулируют инвестиции в образование, которое повышает производительность. Организации, развива-

ющиеся в этих институциональных рамках, становятся более эффективными, но только эффективными в снижении общей продуктивности общества и в развитии базовой институциональной структуры, еще менее благоприятной для продуктивной деятельности. Такая траектория развития может быть долговременной и устойчивой, потому что в подобных экономиках транзакционные издержки политических и экономических рынков, наряду с субъективными моделями, господствующими в восприятии “актеров”, не способствуют постепенному продвижению этих обществ к более эффективным результатам».⁷¹

Д. Норт указывает на отличие формальных и неформальных институтов, которое принципиально важно для нашего исследования. «То, что неформальные ограничения важны сами по себе (а не... как дополнение к формальным правилам), очевидно из того, что одни и те же формальные правила и/или конституции в разных обществах имеют разные проявления. Дискретные институциональные изменения, например, революции, военные завоевания или захваты противниками, приводят, безусловно, к новым системам формальных правил. Но интересно (хотя на это редко обращают внимание, особенно сторонники революционных изменений), что, несмотря на полное изменение формальных правил, общества упорно сохраняют старые элементы. Японская культура выжила в условиях американской оккупации после Второй мировой войны; американское общество после революции осталось во многом таким же, как и в колониальные времена; евреи, курды и огромное множество других групп сохранились в течение многих веков вопреки беско-

71 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 25.

нечным изменениям их формального статуса. Даже русская революция – самая, возможно, полная из известных нам формальных трансформаций – не может быть понята до конца, если мы не разберемся в вопросе выживания и упорного сохранения многих неформальных ограничений».⁷²

Для Д. Норта неформальные институты – «часть того наследия, которое мы называем культурой». Такие институты транслируются от поколения к поколению в процессе передачи социального опыта. Неформальные правила игры, поэтому, могут быть не записаны и даже не отрефлексированы акторами, но оттого не менее легитимны и действенны.

Более того, Д. Норт рассматривает неформальные институты как наиболее архаичные (в нашей терминологии – немодернизированные, традиционные). Именно они в большей мере наследуются, нежели конструируются, то есть являются скорее продуктом исторического развития, а не рационального выбора или соглашения вокруг компромисса интересов. «Важнее всего, пожалуй, то, – пишет Д. Норт, – что формальные правила меняются, а неформальные ограничения – нет. Вследствие этого развивается устойчивый конфликт между неформальными ограничениями и новыми формальными правилами, поскольку те и другие часто несовместимы друг с другом. Неформальные ограничения постепенно складываются в предыдущий период как продолжение прежних формальных правил. Как отмечалось выше, после успеха революции победители склонны немедленно заменить упорно существующие старые неформальные ограничения новыми формальными правилами

72 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. С. 56-57.

ми. Иногда это возможно, особенно в *условиях частичного равновесия*, но такая замена игнорирует глубоко укоренившееся культурное наследие, которое служит основой для многих неформальных ограничений. Хотя полная смена формальных правил действительно возможна, многие неформальные ограничения окажутся очень живучими, потому что они будут по-прежнему помогать общественным, политическим и экономическим игрокам в решении фундаментальных проблем обмена. Результатом, скорее всего, станет, с течением времени, реструктуризация всех ограничений – в обоих направлениях, – что приведет к возникновению нового, гораздо менее революционного равновесия».⁷³

Эта весьма характерная для Д. Норта цитата великолепно представляет всю сложность взаимодействия формальных и неформальных институтов. Эта пара представляет скорее диалектическое противоречие, нежели простое типологическое различие. Для нас этот момент особенно важен, поскольку Модернофрактал моделирует именно взаимодействие формальных и неформальных институтов. Ведь для корректной работы фрактальной модели этого типа требуется выделить две наиболее важные характеристики изучаемой системы, которые должны, помимо прочего, представлять собой связанное (пусть даже опосредованно) единство.

Ёмкая классификация направлений институционализма представлена в упоминавшемся докладе для РАПН «Институционализм и политическая трансформация России» (авторы: С.Г. Айвазова, П.В. Панов, С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин). «Для социологического

73 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. С. 118.

институционализма (“cultural approach”) индивид живет в мире институтов, под которыми понимаются социальные нормы, роли, идентичности и т.д. Они являются “данностью” (“taken for granted”) для отдельного индивида, существуют независимо от его воли, и он должен подчиняться этим институтам. Институционалисты рационального выбора (“calculus approach”), напротив, полагают, что институты представляют собой “правила игры”, которые создают рациональные индивиды, чтобы облегчить взаимодействие друг с другом. В отличие от структурного, социетальный институционализм акцентирует внимание не только на формальных, но и на неформальных институтах...

Сторонники институционализма рационального выбора подчеркивают значение тех институтов, которые устанавливаются людьми и потому являются “наиболее материализованными”. К ним относятся правила взаимоотношений внутри семьи, права собственности, уголовно-правовые нормы, парламентские процедуры, конституционный дизайн и многое другое. Представители социологического институционализма, в соответствии с традицией классической социологии, делают акцент на институтах, относительно независимых от желания отдельного индивида.

Вслед за Э. Дюркгеймом⁷⁴ под институтами понимаются “все ценности и модели поведения, установленные коллективно, т.е. такие ценности и модели поведения, для которых не

74 Calvert R.L. The Rational Choice Theory of Social Institutions // Bancs J., Hanushek E. (eds.) Modern Political Economy (N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1995). P.217. Цит. по: Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

имеет решающего значения суждения, желания или привычки отдельных индивидов”».⁷⁵

Значительная часть исследователей «по умолчанию» предполагает, что оба подхода (“calculus approach” и “cultural approach”) имеют право на существование – и, в своих неортодоксальных формах, оснащённые соответствующими исключениями и оговорками, эти подходы выражают просто разные исторически сложившиеся соотношения разных типов институтов. Иначе говоря, первый (рациональный) вид институтов характерен в большей мере для модернизированного и вестернизированного общества, второй (социальный) – для традиционного. В этом случае, институциональная модернизация рассматривается, в частности, как организационная рефлексия, рационализации институтов, преодоление их инерции, социальной консервативности.

Для целей моделирования нам удобнее использовать положения социетального институционализма, поскольку центральный вопрос этого направления (о взаимодействии формальных и неформальных институтов) совпадает с ключевыми моделируемыми характеристиками системы.

Принципиальное отличие этой версии институционализма от теорий рационального выбора, состоит в том, что институты (хотя они и «состоят» из людей, их знаний и поведения) в значительной мере представляются независимыми от интересов и намерений акторов, будучи интерсубъективными по своей природе феноменами. «Даже если акторы

75 Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

«создают» новые институты, – указывается в упомянутом выше докладе исследовательского комитета РАПН, – они (акторы) это делают не посредством рационального выбора... «Новые институты заимствуются из существующего мира институциональных шаблонов и должны быть социально легитимны...»⁷⁶... Институционализм рационального выбора, напротив, даёт [другое] объяснение происхождению институтов: институты возникают потому, что их создают люди. Будучи рациональными акторами, они вступают во взаимодействия друг с другом и обнаруживают, что в целях снижения неопределенности и уменьшения транзакционных издержек нужно создать «правила игры» – институты. Точно так же рациональными соображениями акторов объясняются и институциональные изменения. «Чистая теория» возникновения и изменения институтов базируется на том, что взаимодействующие индивиды для того, чтобы сделать это взаимодействие возможным, чтобы координировать свое поведение, совершают рациональный выбор: из различных вариантов возможных институциональных установлений (стратегий) они выбирают тот, который является для них наиболее оптимальным».⁷⁷

Для полноты картины заметим, что весьма важной в институционализме является

76 Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalism // Political Studies, 1996. Vol. 44. N5. P.953. Цит. по: Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

77 Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

дистрибутивная теория. «Согласно этой концепции, институты возникают не как средство координации и решения проблемы коллективного действия, а как побочный конфликт борьбы за власть и распределение ресурсов в обществе. Сторонники такой позиции не отрицают, что институты могут иметь коллективную пользу, но эта польза – не главное в объяснении природы институтов... Корни дистрибутивной традиции в понимании институтов обнаруживаются в трудах К. Маркса, М. Вебера. Крупнейшим представителем этой традиции является профессор Вашингтонского университета Д. Найт. По Найту институты имеют «двойственный характер». С одной стороны, они дают коллективную пользу. Каждому актору наличие институтов более «выгодно», чем их отсутствие. С другой стороны, институты имеют дистрибутивный эффект: они по-разному распределяют выгоды между индивидами. Таким образом, возникновение институтов – следствие присущей обществу борьбы за власть».⁷⁸

Дистрибутивная теория касается и неформальных институтов. Подход к трактовке этого феномена в наиболее общих чертах следующий: неформальные институты закрепляют социально-экономическое и политическое неравенство и несправедливость в условиях, когда формальные институты провозглашают равенство и демократию. «Неформальные институты [в дистрибутивной теории] возникают спонтанно в ходе социального взаимодействия. Индивиды лишь стремятся к власти, а неформальные институты оказываются непреднамеренным последствием

78 Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

(“побочным продуктом”) возникновения отношений господства-подчинения. Неформальные институты, по словам Д. Найта, не требуют внешнего принуждения, они “самопринудительны”, поскольку даже для объектов власти выгоднее подчиниться навязанным им институтам, чем оказаться в мире без институтов». ⁷⁹

Таким образом, дистрибутивный смысл сохраняющихся в патологическом виде неформальных институтов состоит (воспользуемся специфическим российским термином) в «кормлении» – в перераспределении общественных ресурсов (денег, власти, статусов, связей и т.п.) в пользу неких плутократических/бюрократических/криминальных элитных групп (плюс уравнительное перераспределение остатков в пользу социальных аутсайдеров как способ легитимации «кормления»). Этим объясняется традиционный характер этих неформальных институтов. Нельзя не заметить, что подобные эффекты, действительно, эмпирически наблюдаются (далеко не только на российском материале); однако, как представляется, такая трактовка преувеличивает выгоды элиты от существования неформальных институтов. Далее мы часто вынуждены будем отмечать, что архаичные неформальные институты существуют не только как «орудия поддержания неравенства выгод» в руках элит, но и как инерция мышления и образа поведения более широких социальных слоёв.

Неформальные институты, противоречие формальных и неформальных институтов

⁷⁹ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?group=254&doc=1447>

Термин «неформальные институты» не является синонимом «традиционных институтов», равно как «формальные институты» не синонимичны «модернизированным». Однако, не смотря на теоретико-философское отличие этих понятий, мы будем во многих случаях рассматривать их как тождественные. Конечно, далеко не все неформальные институты являются традиционными, а формальные – модернизированными. Но частично содержания этих понятий перекрывается. Мы рассматриваем именно такой частный случай – российскую административно-политическую институциональную структуру. Применительно к российским реалиям традиция формальности-неформальности институтов практически полностью совпадает с противоречием модернизованности-традиционности. Трудно оспорить тот факт, что российские формальные институты являются модернизированными; и – в той мере, в какой они противопоставлены неформальным институтам, – они противопоставлены именно традиционным (точнее – менее модернизированным и более архаичным) институтам. Из этого положения, конечно, можно найти исключения, которые мы, однако, игнорируем в процессе моделирования. Кроме того, оговоримся, что применительно к российским реалиям под традиционными институтами мы понимаем не классические средневековые феномены, а относительно традиционные (или «менее модернизированные») структуры. Мы не можем согласиться с утверждением о том, что «сегодняшняя Россия является разрушающимся традиционным обществом» (это скорее публицистическое преувеличение.) Конечно, процессы модернизации настолько глубоко затронули российское общество, что его невозможно в некоторых смыслах и по многим критериям

отнести к иным типам, нежели эталонные западные модернизированные общества. Поэтому мы и предпочитаем говорить именно об относительно традиционных институтах, существование которых в патологических формах, тем не менее, является фактом и существенно осложняет социальный и политический прогресс.

Обратимся к общетеоретическим представлениям относительно существа неформальных институтов, сформировавшихся в рамках институционализма. Двое видных западных учёных поддерживают инициативу перенесения фокуса институциональных исследований на неформальные институты. Это: Гретхен Хелмке – американская исследовательница из Университета Рочестера – и Стивен Левицки, профессор Гарвардского университета. В своей известной программной статье «*Informal Institutions and Comparative Politics*» они анализируют данные, собранные практически по всему миру: в их поле внимания попадают неформальные «правила игры», культивирующиеся в США, Западной и Восточной Европе, Латинской Америке, Китае и Африке. Хронологические рамки исследования также весьма широки.

По мнению Г. Хелмке и С. Левицки, долгое время мейнстримом сравнительных политических исследований было изучение формальных правил; однако во многих ситуациях, неформальные институты, начиная от бюрократических и законодательных обычаев и заканчивая клиентелизмом и патримониализмом, оказывают сильнейшее воздействие на политическое поведение акторов и результаты политического процесса. Ученые, которые не учитывают эти неформальные нормы, рискуют пропустить многие из наиболее важных стимулов и ограничений, которые лежат в ос-

нове политического поведения. «...Все больше исследований по странам Латинской Америки, пост-коммунистической Евразии, Африки и Азии показывает, что многие “правила игры”, структуры политической жизни являются неофициальными – создаются, коммуницируются (распространяются, передаются) и обеспечиваются принудительной санкцией (enforced) вне официальных каналов».⁸⁰

Рассмотрение неформальных правил довольно часто, по мнению американских учёных, имеет решающее значение для объяснения результатов институциональных трансформаций. Неформальные структуры проявляются в формальных институтах значимым и часто неожиданным образом. «Например, отношения между исполнительной и законодательной властью не всегда могут быть объяснены строго с точки зрения конституционного дизайна. Неопатримониальные нормы, допускающие нерегулируемый президентский контроль над государственными институтами в Африке и Латинской Америке, часто обуславливают такую степень доминирования исполнительной власти, которая намного превышает конституционные полномочия президентов. Неформальные институты могут также ограничить президентскую власть... В контексте широко распространенного клиентелизма первичное участие [населения] в политическом процессе ограничено: люди вынуждены голосовать за местных дельцов. Такие выборы выигрываются не идеологическими кандидатами, а теми, кто обладает наиболее крупной политической машиной (то есть, в российской терминологии, административным ресурсом – *перев.*)».⁸¹

80 Helmke, G & Levitsky, S. *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 725.
81 Helmke, G & Levitsky, S. *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda //*

Возможна и обратная ситуация: неформальные институты воздействуют на формальные институциональные структуры и результаты их деятельности путём создания или усиления стимулов для соблюдения формальных правил. Итак, по отношению к формальным институтам их «теневые» спутники могут быть как благоприятными (содействующими), так и сдерживающими (противодействующими). Характер отношений между формальными и неформальными институтами – важнейший атрибут тех и других.

Термин «неформальный институт», – признают Г. Хелмке и С. Левицки, – применяется к «ошеломляющему» количеству явлений, включая сети личных связей, клиентелизм, патернализм, патримониализм, коррупцию, кланы и мафию, гражданское общество, непотизм, традиционную культуру и различные законодательные, судебные и бюрократические нормы и обычаи.⁸² Исследователи пытаются дать строгое, более узкое и эвристически продуктивное определение этого понятия: «Начнем со стандартного определения институтов как правил и процедур (как формальных, так и неформальных), которые структурируют социальное взаимодействие, ограничивая и двигая поведение акторов. Как провести различие между формальными и неформальными институтами, однако, менее ясно... Определим неформальные институты как социально разделяемые и принимаемые правила (обычно, неписаные), которые создаются, сообщаются, транслируются, распространяются и обеспечиваются принудительной санкцией (enforced) вне официальных каналов. В этом их отличие от формальных институтов, которые являются правилами и

Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 726.
82 Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 726.

процедурами, которые создаются, распространяются и поддерживаются через каналы, широкое признание в качестве официальных. Эти каналы включают в себя государственные учреждения (суды, законодательные органы, бюрократию) и государственно-поддерживаемые правила (конституции, законы, постановления), а также то, что Роберт Эликсон называет “правила организации”, или официальные правила, которые регулируют такие структуры как корпорации, политические партии и группы интересов».⁸³

Неформальные институты часто рассматриваются как «остаточная категория», которая может быть применена практически к любому поведению, которое не соответствует писаным регламентам. С точки зрения Г. Хелмке и С. Левицки, это ошибочный подход. Обосновывая свою позицию, они приводят четыре отличия неформальных институтов от феноменов, которые «неформальные институтами не являются». Во-первых, неформальные институты следует отличать от слабых (второстепенных) институтов. Многие формальные институты неэффективны, постольку поскольку правила, которые существуют на бумаге, широко обходятся или игнорируются.⁸⁴

Во-вторых, неформальные институты должны быть отделены от других неформальных «поведенческих регуляций». Не все «поведенческие образцы» являются по-существу правилами, укоренёнными в разделяемых и принимаемых всеми ожиданиях. Тогда как «поведенческие регуляции могут быть про-

83 Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 727.

84 Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 727.

дуктом различных стимулов».⁸⁵

В-третьих, неформальные институты следует отличать от неформальных организаций: «Хотя учёные часто включают организации в определение институтов, полезно, следуя Дугласу Норту, отделять политических субъектов (или “акторов”) от правил, которым они следуют. Аналогично, формальные организации (такие как политические партии или союзы) можно отличить от формальных правил, неформальные организации (кланы, мафию) следует отличать от неформальных институтов. Тем не менее, неформальные правила могут быть встроены в рамки этих организаций, и так же, как формальные политические организации изучаются под рубрикой “институционализма”, кланы, мафии и другие неофициальные структуры могут быть успешно включены в анализ неформальных институтов».⁸⁶

В-четвёртых, имеется различие между понятием неформальных институтов и более широкой категорией – культурой. Значимые элементы любой национальной культуры – культурные ценности, национальные обычаи и традиции, менталитет и т.п. – в подавляющем большинстве случаев имеют корни, являющиеся типологически традиционными, происходящими из эпох Древности и Средневековья. Поэтому культура может содействовать формированию неформальных институтов. Культурные ценности весьма часто санкционируют сохранение немодернизированных «правил игры» и отношений. Грань между неформальными институтами и культурными ценностями на практике не всегда очевидна. Но в интересах анализа, эти феномены не-

85 Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 727.

86 Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 727.

обходимо отличать друг от друга. «... Неформальные институты [лучше осмысливать] в терминах разделяемых и принимаемых ожиданий, а не общих ценностей. Общие ожидания могут или не могут уходить корнями в более широкие социальные ценности. Различие между общими ценностями и ожиданиями позволяет будущим ученым анализировать потенциальные причинно-следственные связи между культурой и неформальными институтами. Например, [может быть поставлен] вопрос о том, как социальные ценности укрепляют или подрывают частные неформальные институты».⁸⁷

Проблемы соотношения, сосуществования и взаимодействия формальных и неформальных институтов, которые ставятся в рамках социетального институционализма, являются чрезвычайно актуальными в практической сфере. Рассмотрим в общем виде, какие препятствия для общественного развития должен разъяснить и какие реформаторские технологии призван выработать анализ неформальных институтов.

В докладе Нильса Боесена⁸⁸ – датского исследователя, консультанта Организации экономического сотрудничества и развития

87 Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 728.

88 Доклад Нильса Боесена на семинаре «Неформальные институты и развитие – Что мы знаем и что мы можем сделать?», прошедшем под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития 12.12.06. Тема доклада «Управление и ответственность – как формальные и неформальные институты взаимодействуют и изменяются?». Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

(ОЭСР), – в частности, указывается на практические проблемы, возникающие вследствие существования неформальных институтов (что, в рамках нашей терминологии, можно отождествить с незавершённой модернизацией институциональной структуры, с сохранением в метаморфизированном виде традиционных элементов).

Неформальные институты управления, основанные на личных отношениях, – отмечает эксперт ОЭСР, – являются предшественниками для формальных моделей управления, которые начали доминировать в развитых странах ОЭСР лишь недавно. Неформальные институты и механизмы управления, будучи более «древними» и связанными с национальной ментальностью, считается высоко устойчивыми к изменениям. «Тем не менее, – утверждает Н. Боесен, – неформальные институты меняются – иногда очень быстро. Они могут быть трансформированы в результате преднамеренных действий, если для этого прилагаются разумные усилия, оказывается социальное, институциональное и политическое давление в целях поддержки реформ».⁸⁹

Модернизация (если считать её базовым историческим процессом) должна сопровождаться всё возрастающей формализацией неформальных правил и механизмов управления, которые необходимы в связи со всё возрастающей специализацией и разделением труда. С такой функциональной точки зрения, формализации правил и управления, как можно было бы ожидать, должна непременно сопровождать экономический рост и диверсификацию экономики. «Но, – констатирует

⁸⁹ Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

Н. Боесен, – такая очевидная функциональная логика не всегда верна».⁹⁰

Причина упорного выживания неформальных институтов, представленная в упомянутом докладе, сводится к следующему. Существует разница между управлением, основанном на писанных правилах, и управлением, основанном на отношениях между людьми. В первом случае акторы взаимодействуют на основе доверия к закону, во втором – на основе доверия к лицам. Это и определяет эффективность неформальных правил, а следовательно – их живучесть. «... Особенно важно подмножество неформальных механизмов управления, основанных на доверии к персонам, а не на формальных соглашениях. Это существенный признак того, что получило название управления, основанного на отношениях. Такое управление по самой своей природе носит неформальный характер».⁹¹

В теоретическом плане к подобному положению вещей можно относиться как к данности; но в практическом плане – это, в большинстве случаев, социальное зло, препятствие для прогресса общества и государства. «Когда управление, основанное на отношениях, доминирует, то нет сильной формальной государственной власти, которая могла бы эффективно регулировать рынок, гарантировать исполнение контрактов и обеспечивать право собственности... Управление [в этом случае]

⁹⁰ Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

⁹¹ Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

будет осуществляться в основном путем персонализированных отношений. Как на национальном, так и суб-национальном уровнях будут господствовать такие политические курсы, которые возникают в результате сговора – то есть сбалансирования мощи и интересов организованных по патрон-клиентской системе кланов, этнических групп, семей и т.д.»⁹²

Причём, сочетание формальных и неформальных институтов признаётся неизбежным свойством административно-политической системы. Но, поскольку (при решении практических задач) неформальные институты отождествляются с традиционными, архаичными, то по мере модернизации этот баланс должен смещаться в сторону превалирования формальных институтов. Следовательно, значительная роль неформальных институтов фактически (если пробиться сквозь политкорректные формулировки экспертного доклада ОЭСР) считается признаком неразвитости, «недомодернизованности». «... В развитых странах формальные правила явно доминируют как экономике, так и в государстве. Все страны имеют управление, являющее собой смесь формальных и неформальных механизмов, но в развивающихся странах неформальные механизмы ... имеют тенденцию быть относительно сильнее, чем в развитых странах».⁹³

Сильные неформальные институты (если они осмысляются в модернизационной парадигме и

92 Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

93 Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

в практическом плане) понимаются как фактор угрозы – точнее совокупность четырёх угроз. А именно, неформальные институты – это:

(1) принципиальное препятствие для развития конкурентоспособной экономики, в результате несправедливого непубличного распределения благ и больших транзакционных издержек по содержанию негласных институтов;

(2) существенное ограничение для развития гражданского самодеятельного ответственного общества, обладающего высокой социально-экономической витальностью, поскольку неформальные институты, как правило, культивируют вертикальные нелегальные связи господства-подчинения (порой в самых диких формах), социальное неравенство, паразитизм и правовой нигилизм;

(3) возможность для узурпации социальной, экономической и политической власти нежелательными группами (мафиозные кланы, этнические группировки сепаратистов, плутократические «семьи», бюрократические олигархии и т.п.);

(4) причина тотального падения дееспособности государственной машины (равно как и корпоративного управления), в результате замены веберовских, меритократических принципов рекрутирования и функционирования бюрократии на патронажные, nepотистские и т.п. традиционалистские принципы.

Для Н. Боедена главный инструмент борьбы с неформальными институтами – повышение их стоимости (в результате административного давления, уголовного преследования и т.п.), что должно сделать их менее конкурентоспособными по сравнению с формальными институтами и, следовательно, лишить поддержки акторов. Конечно, для нас остаётся откры-

тым вопрос: насколько европейские рецепты «постепенной безболезненной терапии» подходят для больного, находящегося, возможно, в критическом состоянии; то есть какую меру неформальных институтов может выдержать российская административно-политическая система, общество и экономика?

Обратимся вновь к докладу датского эксперта, который следующим образом резюмирует практико-ориентированные проблемы и задачи, возникающие в анализе неформальных институтов: «...Есть четыре взаимосвязанных области или вопроса, которые вновь и вновь всплывают в литературе, и которые заслуживают свою часть внимания.

Во-первых, рост, связанный с диверсификацией экономики, технологическим развитием и увеличением конкурентоспособности национальной экономики, может оказаться слишком труднодостижимым без сильного формального управления... Управление может иметь значение для роста, но и обратное тоже возможно...

Во-вторых, на уровне общества, некоторые процессы должны постепенно остановиться или разорвать порочный круг сильных неформальных социальных механизмов управления, которые ослабляют или вытесняют сильное государство, чтобы вновь укрепить неформальные, вертикальные социальные механизмы контроля и, в конечном итоге, сделать государство жертвой для захвата, а не средством для развития.

В-третьих, ...принцип формирования бюрократии на основе заслуг может показаться необходимым, хотя и не достаточным условием для разработки эффективной государственной бюрократии. [Необходимо] восстановить устойчивость госслужбы к неформаль-

ному давлению со стороны таких явлений как патронаж...

Наконец, в-четвертых, важность обеспечения прозрачности в качестве меры по увеличению стоимости функционирования конкурирующих неофициальных систем была выделена в качестве возвышающегося элемента реформ управления».⁹⁴

В отношении современной России можно сказать, что контрадикторность формальных-неформальных институтов является одной из наиболее значимых национальных проблем, поскольку создаёт наибольшие препятствия для развития. Этому вопросу, в частности посвящён раздел «Деформализация правил и институциональные ловушки в России» аналитического доклада для РАПН об институционалистских исследованиях, упоминавшегося выше.⁹⁵

Авторы доклада (С.Г. Айвазова, П.В. Панов, С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин) обращают внимание на процесс, обратный тому, который должен был бы иметь место в случае форсированной модернизации. Анализируя доклад Н. Боевена, мы обратили внимание, что для европейского исследователя естественной представляется формализация институтов в ходе модернизации и развития как такового. Имеющееся в России обратное явление – своего рода «противотечение» – и обозначено

⁹⁴ Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

⁹⁵ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

как «деформализация правил». Возникает парадоксальная ситуация: по мере модернизации наиболее архаичные институты проникают в формальные структуры и трансформируют их изнутри. Так происходит замещение содержания при сохранении формы.

«Согласно определению В. Радаева, деформализация правил есть “непрерывная трансформация институтов, в ходе которой формальные правила в значительной мере замещаются неформальными и встраиваются в неформальные отношения”. По сути дела речь идет об известной несовместимости этих правил со сложившейся практикой, что ведет к замещению их неформальными нормами.

В. Меркель и А. Круассан⁹⁶ выделяют три гипотетических сценария, по которым может пойти развитие общества, вступившего на путь неформальной институционализации: (1) регресса, т.е. все большей “деформализации”; (2) прогресса, т.е. постепенного вытеснения неформальных практик, и (3) стабильности. В последнем случае “переплетение формальных демократических институтов и неформально выросших демократических дефектов переходит в самовоспроизводящееся равновесие, что приводит к стабилизации status quo дефектной демократии. Стабильность сохраняется до тех пор, пока специфические дефекты демократии гарантируют господство властных элит и способствуют удовлетворению интересов поддерживающей систему части населения”. По мнению немец-

⁹⁶ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. 2002. №2. С.27-28. Цит. по: Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

ких ученых, именно этот сценарий реализуется сегодня в России.». ⁹⁷

«Даже когда предписания закона более или менее известны, отечественные акторы их замещают или встраивают в привычные неформальные отношения. Возникает парадоксальная ситуация: универсальные нормы (права, морали) усвоены, но лишены практического смысла. ⁹⁸ ... Сколь бы “дикой” ни казалась акторам сложившаяся практика, у них не возникает стремления отказаться от нее в пользу “цивилизованных” предписаний формальных институтов. Напротив, они готовы пойти на риск и нарушить те из предписаний, которые вступают в противоречие с ней. Не выдерживая конкуренции с усвоенными навыками неформального взаимодействия, формальные правила подвергаются модификации или даже замещаются более действенными в практическом плане социальными нормами. И устойчивость, и неэффективность социального института обусловлены “разрывом” между реальными практиками и формальными правилами... В итоге “игру по правилам” подменяет “игра с правилами”. При этом заинтересованные в такой подмене акторы рискуют попасть в ловушку: оставаясь для них функционально необходимым, скопированный институт при деформализации правил обречен на слабость, ибо не в состоянии толком справиться [со своими функциями]». ⁹⁹

⁹⁷ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

⁹⁸ Патрушев С.В. (ред.) Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С. 49 – 51.

⁹⁹ Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном за-

«Параллельное и попеременное применение формальных и неформальных кодов поведения, замещение первых вторыми делают внедряемые институты эффективными для “своих” и неэффективными для “чужих”, способствуя фрагментарной институционализации социального порядка... Устойчивое воспроизводство подобной ситуации обусловлено рассогласованием между средовыми потребностями граждан и институциональной структурой, предназначенной для их удовлетворения. Потребность в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, регулируемой недвусмысленными, понятными гражданам нормами, находится в противоречии с зависимостью этой среды от формальных институтов, использующих свои полномочия для произвольной регламентации гражданских прав».¹⁰⁰

Эффекты, генерируемые Модернофракталом: турбулентная модернизация институтов

Модель Модернофрактала была подвергнута предварительной верификации, смысл которой заключался в выяснении реалистичности и интерпретируемости результатов в испытательном (приблизительном) диапазоне значений входных факторов.

В программу, генерирующую фракталы, были внесены данные, соответствующие различным сценариям развития институтов. Наблюдаемые в результате таковой симуляции нелинейные эффекты мы назвали инконгруэнтными исследователем комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>
100 Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН (11.02.05) «Институционализм и политическая трансформация России» // сайт РАПН <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447>

энтными. Мы обозначили их в совокупности термином «турбулентная» модернизация, которая представляется нам как специфическая вариация модернизации. Почему мы используем метафору турбулентности? Турбулентный поток представляет собой фрактальную иерархию вихрей (от микро- до макромасштабов); здесь возникают и исчезают противотечения, резонансы, точки абсолютного спокойствия, случайные возмущения и т.п. Именно поэтому мы избрали эту метафору для выражения нелинейных свойств сценария модернизации, который мы рассматриваем.

Турбулентная модернизация – несообразная классическим схемам, «искажённая» или изначально «нестандартная» в результате естественной специфики или форсированного (ускоренного и усиленного) характера протекания. Латинизированный термин «турбулентная», кроме того, позволяет избавиться от негативных ассоциаций таких понятий как «хаотическая», «непоследовательная», «нестандартная» и пр. Главный смысл этой метафоры заключается в том, что такого рода модернизация содержит инконгруэнтные эффекты. Таким образом, это метафорическое обозначение мы применяем для наименования группы эффектов модернизации, которые являются нелинейными или не могут быть объяснены в классических сценариях без существенного их усложнения.

Результаты работы Модернофрактала представляют собой совокупность огромного множества эффектов, отражающих столь же огромное многообразие социо-политических ситуаций. Сам процесс моделирования, в сущности, заключается в переводе сначала политологического дискурса в математический, а затем, наоборот, – в переводе формализованных результатов работы программы

(графических и числовых данных) на язык привычных политологам качественных понятий. Для выполнения поставленной задачи мы должны выработать некоторые представления о том, какие социо-политические феномены скрываются за теми или иными формами результирующих данных, получаемых в программе Модернофрактал. Иначе говоря, мы нуждаемся в составлении некой совокупности основных (или хотя бы некоторых) понятий, связующих математическую модель с политологическим дискурсом. Для составления такого «толкового словаря» рассмотрим некоторые явления и события, возникшие в модели в ходе предварительных компьютерных экспериментов. Но прежде необходимо оговориться, что изученные явления не исчерпывают всего многообразия результатов работы модели. Все значимые комбинации факторов могут исчисляться сотнями тысяч. Обратим внимание также на то, что пространство потенциалов (бассейнов) необходимо анализировать в связке с расположением самих аттракторов (пространство перспектив).

Представления о турбулентной модернизации развиваются как попытка адаптировать теорию модернизации к теории хаоса. Потребность в реинтерпретации некоторых положений классической модернизации выражается исследователями весьма давно. Для изначальной линейной схемы модернизации был свойственен взгляд на этот процесс как исключительно эволюционный, нормативный, невариативный, детерминированный и, в некотором смысле, даже общеобязательный. Такая линейная модернизация метафорически представлялась как своего рода движение лавового потока – всеобъемлющий, плавный и неизбежный супер-процесс. Такая концепция модернизации предполагает наличие некоторых эталонов модернизирован-

ности. Обычно под этими эталонами подразумеваются современные западные общества. Однако в последнее время исследователи стали говорить о «модернизации без вестернизации» или о национальных вариантах модернизации. Следует отметить, что, по большому счёту, многие подобные «национальные варианты модернизации» представляют собой сплавы элементов сугубо национального традиционного общества с достижениями космополитической модернизации.

Пересматривая такое теоретико-философское наследие, множество современных исследователей трактуют сам модернизационный процесс как синергетический, поливариативный, содержащий фазовые переходы. Во многих современных исследованиях сама теория модернизации утратила свой основной политический пафос: произошёл отказ от подчёркнутой эволюционности, от детерминистской нормативности движения к априорному эталону и пр. Было признано, что модернизационные скачки возможны и, более того, необходимы. В рамках идеи турбулентной модернизации мы попытались отказаться от логики больших причин и больших следствий, изменить отношение к малым (случайным) воздействиям. Эффекты турбулентной модернизации могут быть весьма неожиданными для стороннего наблюдателя. Представим, что мы решили подогреть суп и поставили его на плиту, но по мере подогрева в кипящей воде начинают образовываться кристаллики льда. Однако, это т.н. непарадоксальные парадоксы, которые лишь указывают на существо явления.

Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть модернизацию под микроскопом, увидеть её инконгруэнтные эффекты, нюансы, противотечения, флуктуации, турбулентные потоки – всё то, что остаётся за кадром

в метафоре лавового потока. Между тем, эти микроскопические явления, накапливаясь, обеспечивают не только специфичность модернизации, но порой прямо определяют её макро-успех или не успех. О каких именно эффектах идёт речь?

1. Турбулентная модернизация не является равномерной – она охватывает в разной мере разные институты, слои и пространства, что, очевидно, может приводить к противоречиям и даже столкновениям между ними. Этот эффект хорошо изучен и мы не будем останавливаться на нём детально.

2. В ходе модернизации старые нормы, социальные структуры и административно-политические институты могут не отмирать, а адаптироваться, вживаясь в новые, трансформируясь и трансформируя модернизационные новации. Так возникает (пользуясь терминологией Рибера) осадочное общество, где законсервированы, но не изолированы старые институты.

3. Осадочные структуры (или традиционное институциональное наследие), несмотря на все восхищения любителей лубочных картинок, утратив своё прежнее функциональное значение, превращаются в самые уродливые явления нашей жизни. Общинное сознание оправдывает общак и криминал. Взаимовыручка порождает круговую поруку. Религиозность становится разнузданным ханжеством и питательной средой для цивилизационной ненависти. Патриархальность порождает nepотизм, семейное насилие и т.п. Так проявляется эффект, который мы назвали «трупными ядами традиционализма».

4. Модернизация – не синоним «медленного прогресса» Эдмунда Бёрка, ибо для модернизации характерны фазовые переходы, когда

перестает действовать логика «больших причин и больших следствий». Скоротечность этих фазовых переходов обеспечивается, по-видимому, способностью маргинализованных слоёв общества оперировать и традиционными, и модернизированными ролями и установками в зависимости от текущей ситуации и наличных интересов. Иначе говоря, фазовый переход в ходе модернизации осуществляется легко в обе стороны – и в модернизованную и в традиционную, – поскольку в зависимости от практической выгоды люди легко меняют один тип социальных ролей на другой. Естественно, под «лёгкостью» в данном случае следует понимать лишь социально-психологическую готовность, тогда как объективная потребность в увеличении экономической эффективности толкает социумы именно к модернизационным прорывам, а не традиционалистским откатам. Тем не менее, заметим, что локальные (и во времени и в пространстве) социумы не всегда предпочитают экономическую эффективность традиционным ценностям или объективно не связывают рост экономики с модернизацией.

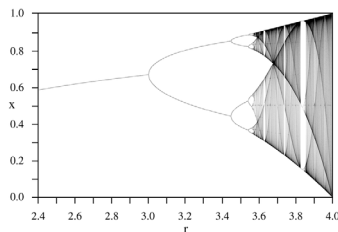
Кроме того, необходимо вспомнить, что (как это ярко показано в моделях мобилизации) затухающие колебания ведут к стабилизации институтов, увеличивающиеся – к деструкции. Всякое значительное колебание – это фазовый переход, который в Модернофрактаде довольно часто выражается в эффекте «взрыва аттракторов». Вместе с тем, в соответствии с иной терминологией, фазовый переход связан с точкой бифуркации, когда траектория развития системы разветвляется. Каскад бифуркаций (последовательность Фейгенбаума) – способ сползания к истинному хаосу. Таким образом, череда фазовых переходов (и «взрывов аттракторов») влечёт

за собой хаос как таковой.¹⁰¹

Если отдельные фазовые переходы – естественный способ развития; то их каскады (повторение со всё возрастающей частотой) – показатель «перегрева» системы. Поэтому, собственно, нельзя всегда рассматривать ни фазовые переходы, ни бифуркации, ни наблюдаемые нами в ОФМП и Модернофрактале «взрывы аттракторов» как явления патологические, негативные, «политически-вредные и недопустимые».

Обратим внимание, что бифуркация обладает любопытным свойством. «В соответствии с этой [синергетической] парадигмой, – пишет Л.И. Бородкин, – развитие понимается как последовательность длительных периодов стабильных состояний системы, которые прерываются краткими периодами хаотического поведения, после чего происходит переход (бифуркация) к следующему устойчивому состоянию (аттрактору), “выбор” которого определяется системой в зависимости от особенностей ее флуктуаций в точке бифуркации (Точка бифуркации – это точка ветвления возможных путей эволюции системы в неустойчивом состоянии. Флуктуации – случайные отклонения наблюдаемых величин от

101 Каскад бифуркаций (Последовательность Фейгенбаума) имеет самоподобную, фрактальную структуру, представляет собой сценарий сползания системы к истинному хаосу: частота бифуркаций (и, соответственно, количество развилок сценариев развития системы) увеличивается, пока не становится непредсказуемой.



их средних значений, характеризующие хаотичность динамики системы. – примечание Л.И. Бородкина)».¹⁰²

5. Для турбулентной модернизации характерны «противотечения» – образование традиционных сегментов, которые являются устойчивыми при увеличении модернизационного давления и даже имеют выраженную тенденцию к архаизации. Противотечения были частично замечены ещё марксистами, которые указывали, что развитие капитализма на ранних стадиях может быть сопряжено с укреплением феодализма в отдельных социально-экономических сегментах для выкачки из них средств для первоначального накопления. (В связи с этим можно вспомнить фиксацию колониальной администрацией феодальных прав индийских заминдаров, второе издание крепостного права в Восточной и Центральной Европе в эпоху формирования индустрии и урбанизации на Западе, рабство на Юге США, комплиментарное буржуазному развитию Севера, и пр.).

Институт, будучи не полностью интегрированным в модернизированную экономико-политическую систему, деградирует до уровня феодального сегмента, используемого для хищнического извлечения ресурсов и не имеющего никакого будущего. Иначе говоря, в ходе модернизации в некоторых областях, которые недостаточно включены в модернизационные процессы, образуются своего рода цисты традиционного общества. Экономическая суть цистирования или, иначе выражаясь, противотечений заключается в том, что они используются для выкачки из них средств не- или до-капиталистическими методами, то

102 Бородкин Л.И. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. Том 3. №1 (7).

есть, в частности, без адекватных инвестиций. Как следствие – уничтожение традиционного сегмента, эксплуатируемого без поддержания его жизнеспособности. Это приводит, в конечном счёте, не к модернизационному пере-рождению, а к физической ликвидации цисти-рованных областей.

Таким образом, модернизация может про-текать не только в виде трансформационной эволюции (синхронное преобразование всех элементов системы), но и в форме комбina-торной (вариационной) эволюции (измене-ние комбинации элементов системы, разви-тие одних и разрушение других).¹⁰³

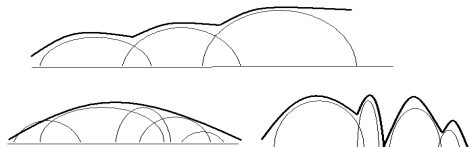
6. Возможен кризис «недомодернизован-ности». Это, очевидно, всего лишь разно-видность кризиса роста. Рост невозможен без кризисов, если речь идёт именно об этом специфическом виде кризисов. Опасен, в этой связи, как отказ от политики роста из-за страха перед кризисами, так и «кризисное стимулирование» роста. В исследователь-ском сообществе давно утвердилась мысль, что многие ошибки русских государственных деятелей и мыслителей XIX – начала XX века коренились как в преувеличении модернизи-рованности русского общества, так и в пре-

103 Всякая социально-политическая эволюция (как, впрочем, и любая другая) может описы-ваться как трансформационная и (или) вари-ационная. Например, весьма часто история описывалась как вариационные изменения (изменения количественных и позиционных со-отношений социальных субъектов без их каче-ственного внутреннего изменения). В социаль-ной психологии существует представление, в соответствии с которым общество изменяется постольку, поскольку неадаптивные элементы (личности с альтернативной социальностью) поднимаются наверх, создают и распростра-няют новую господствующую социальность. Трансформационная эволюция представляет собой синхронное качественное изменение са-мих элементов системы.

уменьшении модернизационных потребно-стей народа.

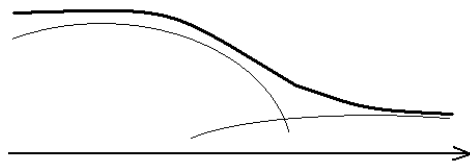
Кризис (или глубокий, или почти незамет-ный) – естественное проявление перехода от одной доминирующей тенденции к другой, когда старый структурообразующий фактор деградирует, а новый – ещё только формиру-ется. Помимо прочего, это размышление лег-ко применимо к изучению перехода от тради-ционного общества к модернизированному. См. рисунок 1.

Рисунок 1. Структура кризисов роста



Однако возможен другой вид кризиса, когда один структурообразующий фактор отмира-ет, а другой – не растёт. В этом случае обще-ство ожидает системный кризис, но это не кризис роста, а агония. Этот эффект объясня-ет многие процессы в восточных обществах в новое и новейшее время и некоторые тенде-нции в отдельных сегментах российского со-временного общества. См. рисунок 2.

Рисунок 2 Структура кризисов деградации



7. Один из инконгруэнтных эффектов модер-низации – «омертвление тканей». Часть соци-альных и политических структур в процессе модернизации и не модернизируются, и не традиционализируются, и не адаптируются, и не изолируются, а просто умирают в социаль-

ном смысле и, как следствие, – в физическом. То есть по мере модернизации некоторые старые социальные слои и институты просто ликвидируются.¹⁰⁴ Именно разрушение и умирание (и социальное, и физическое) некоторых групп населения в ходе модернизации – это и есть своего рода омертвление тканей. Этот эффект можно рассматривать и как гуманитарную катастрофу, и как накопление социальноопасных, паразитических слоёв.

8. В ряде экспериментов показано, что даже при высоком модернизационном давлении традиционные сектора могут экстенсивно расширяться за счёт модернизированных (если они имелись в системе изначально).

Очевидно, это имеет простое объяснение: архаичные институты стремятся адаптироваться (а чужеродная внешняя среда может стимулировать адаптацию) к новой модернизированной среде способом, присущим людям, а не растениям: если растения изменяются сами, то люди изменяют среду. Это означает, что адаптация к модернизированным условиям не всегда и не для всех подразумевает собственно модернизационное преобразование. Этот инконгруэнтный эффект можно было бы назвать «раковой опухолью». Суть этих явлений метафорически подобна. Здоровые клетки организма не имеют иммунитета к раковым только потому, что идентифицируют их как «свои». Поэтому раковые клетки, размножающиеся намного быстрее обычных, получают питание от системы организма, наравне с прочими.

104 Эти «тодескандидаты» – маргиналы между социумом и смертью. Перефразируя известную строку русского рока «революция без жертв – ничтожная ложь», скажем «модернизация без жертв – ничтожная ложь». В качестве примера, можно вспомнить жертвы перехода от натурального к товарному хозяйству в колониальных странах, «огораживание» в Англии, раскрестьянивание в России.

При инъекции даже незначительных объёмов традиционного социо-потока в модернизированное общество может возникнуть такой же эффект. Если традиционные слои пользуются равным статусам и всеми выгодами модернизированного общества на правах «своих», не обязаны при этом действительно становиться «своими», то есть модернизироваться, то они сохраняют свою традиционность и в более благоприятных условиях не только размножаются быстрее, но и традиционализируют близлежащие сегменты модернизированного общества.

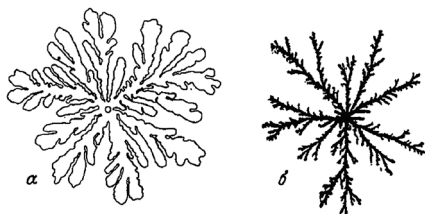
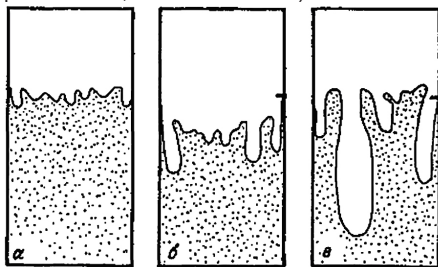
Так, в ответ на примат личных связей, криминаленность, открытость к насилию, формально-правовой нигилизм традиционалистских страт и модернизированные структуры вынуждены адаптироваться к ним и принимать эти черты. В данном случае речь идёт о своего рода вывернутой адаптации, когда традиционные системы преобразуют модернизированные «под себя». (Строго говоря, именно такой тип эволюции – адаптация не к среде, а адаптация среды под себя – характерен для человека.) Возможно, причина подобного явления – отсутствие сегрегации иных форм социальности, агрессивных или просто альтернативных по отношению к доминирующей. Отсутствие такой сегрегации создаёт угрозу всему организму. Сами по себе подобные явления широко известны и представляют собой одну из самых дискуссионных тем в социальных дисциплинах.

9. В случае форсированной модернизации модернизационное давление (как правило, государства на общество, иногда – наоборот) порой создаёт эффекты, которые можно было бы описать как вязкие пальцы, образующиеся на фронте столкновения двух сред. Иначе говоря, речь идёт об узком точечном прорыве(ах) на отдельных участках фронта,

от которого (прорыва), образуются опять-таки узкие ответвления. Возникает фрактальный модернизационный фронт, длина которого оказывается колоссально велика.¹⁰⁵

Возникшая модернизационная чересполосица приводит к одновременному переплетённому сосуществованию бок о бок различных систем, о чём мы уже не раз упоминали. В другом дискурсе подобного рода чересполосицу можно обозначить как многоукладность, «слоёный пирог» или осадочное общество. Образование фрактальных вязких пальцев значительно удлиняет фронт соприкосновения сред, так как фрактальные границы настолько «рассечены», что их длина оказывается, на практике, чрезвычайно большой, а в

¹⁰⁵ Конфигурация фронта вытеснения одной среды другой средой (в том случае, если они не смешиваются в силу разных факторов) называется «вязкими пальцами» за форму выростов-прорывов. Так, на рисунках внизу показаны этапы процесса вытеснения глицерина воздухом, а также этапы закачки (из центра) в одну среду другую. Экспериментально доказано, что вязкие пальцы во многих случаях имеют фрактальную природу. (Источник изображений: Федер Е. Фракталы. М., 1991. С. 52 – 53.)



теории – бесконечной. (Примером здесь может служить один из самых известных фракталов – «снежинка Коха».) Субъективно, такой эффект должен восприниматься как скачкообразный и «значительный» рост «проблем» (обнаружение домодернизированных секторов, увеличение соприкосновения с ними, рост их сопротивления) в результате даже «незначительного» модернизационного прорыва. Естественно, о соразмерности/несоразмерности традиционалистского сопротивления модернизационному давлению здесь говорить не корректно. Просто социополитические реформы сверху не описываются метафорой «чудо-богатыря, тянущего из болота бегемота». Возрастание субъективно воспринимаемого сопротивления новациям может быть проявлением не инертности и косности среды, а специфической конфигурации фронта модернизационного давления.

10. Увеличение модернизационного давления ассоциируется с увеличением «волатильности» и вариабельности модернизационных мероприятий (равно как и реакций на них), одни из которых могли быть более сильными и сверхсильными, другие – менее сильными и незначительными. Соответственно, в рамках турбулентной модернизации, усиливается и волатильность результатов институтов: колебания социо-политической системы увеличиваются и становятся бессистемными и непредсказуемыми. Этот эффект внешне выглядит как нестабильность, хотя не является привычным линейным состоянием непокая, когда система всё сильнее раскачивается реакциями и контр-реакциями.

11. В ходе турбулентной модернизации значительно возрастает «хрупкость» системы. Очевидно, это имеет место в том случае, если модернизационное давление государства не сопровождается значимым разрушением

модернизационных структур (а ограничивается лишь созданием модернизированных надстроек и пристроек). Это обстоятельство не только обуславливает резкий рост «волатильности» развития всей системы, но и значительное увеличение сил, действующих в системе. Возрастание величин противонаправленных факторов приводит к тому, что любая их разбалансировка приводит к существенной деструкции системы. Такое свойство мы и обозначили как «хрупкость» системы. Таким образом, в ходе турбулентной модернизации (в некоторых случаях) возникают и (или) увеличиваются риски и негативные эффекты, появляющиеся в результате разбалансировки из-за незначительных флуктуаций.

Любопытное наблюдение можно сделать на примере модернизационного давления государства, проанализированного в статье Д. Жукова и С. Лямина «Результаты верификации фрактальной имитационной модели социально-культурных сетевых связей в русском городе второй половины XIX – начала XX века».¹⁰⁶ В ходе наших исследований по проекту «Развитие социально культурных и политических сетевых связей в русском городе второй половины XIX – начала XX вв.» потребовалось ввести понятие М-акселератор (сила модернизационного давления государства на социум). В российской истории (в ходе Великих реформ) этот акселератор был чрезвычайно велик. Мы попытались его формализовать и численно выразить: оказалось, что государство стремилось увеличить модернизационные эффекты в 9-11 раз по сравнению с естественными результатами спонтанного развития отдельных модернизи-

рованных социальных структур. И только в этом случае (в случае «включения» в модель М-акселератора) определённые параметры социума достигали величин, сравнимых с классическими тогдашними образцами модернизованности, на которые, очевидно, предметно ориентировалось российское государство. Подобные исследования пока находятся в начальной стадии, кроме того, они проводились на материалах преиндустриальных провинциальных городов. Иначе говоря, пока это всего лишь гипотезы или частные наблюдения; однако можно сказать, что модернизационное давление вполне могло на порядок (в десять раз!) превышать естественный (внутренний) потенциал развития. Эта сверхвеличина М-акселератора обуславливалась, в значительной мере, неразрушением в ходе модернизации, а консервацией традиционных структур. В результате чего возникала ситуация постоянного противоборства традиционных и модернизированных институтов вместо трансформации и перерождения традиционных структур в модернизированные.

12. Ещё один инконгруэнтный эффект – своего рода «эффект лягушки» – хорошо известное чередование сверхпассивности системы (с низкими реакциями на модернизационное давление) со скачкообразными сверхреакциями на порой незначительные внешние импульсы.

13. Традиционные институты, находящиеся по модернизационным прессингом, способны к поведению, которые мы бы назвали мимикрией, внешней имитацией модернизированных свойств. Более того, посредством образования псевдоморфоз традиционные институты способны замещать модернизированные и встраиваться в общегосударственные формально модернизированные институциональные мегаструктуры.

¹⁰⁶ Жуков Д.С., Лямин С.К. Результаты верификации фрактальной имитационной модели социально-культурных сетевых связей в русском городе второй половины XIX – начала XX века // Fractal simulation. 2011. №1.

Известно, что многие насекомые (и не только насекомые) в процессе эволюции приобрели способность к мимикрии – имитируют вид и(или) поведение других более адаптированных и успешных видов. В минералогии известно явление, когда некоторая кристаллическая структура, образованная некоторым минералом (или даже органической тканью), может целиком замещаться минералом, который данных конкретных структур сам по себе не образует. Это явление получило название псевдоморфоза (замещение одного минерала другим без изменения внешнего облика замещаемого кристалла).

В социальной сфере, выражаясь метафорически, мимикрия традиционных институтов по модернизированным является способом выживания традиционных институтов, а псевдоморфозы позволяют им устойчиво встраиваться в модернизационные формальные структуры.

Иначе говоря, институт по всем признакам может быть модернизированным формальным, а на самом деле он всецело (подчеркнём – всецело) является традиционным неформальным. Департаменты и отделы могут быть крепостническими вотчинами или рабовладельческими хозяйствами; племена изображают армейские соединения и т.п.

Литература

Boesen, N. Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html

Frame, M.L. & Mandelbrot B.B. Fractals, Graphics and Mathematical Education. Washington DC: Mathematical Association of America & Cambridge UK: The University Press, 2002.

Gharajedaghi, Jamshid. System Thinking. Managing Chaos and Complexity. A Platform for Designing Business Architecture. Second edition. Butterworth-Heinemann is an imprint of Elsevier, 2006.

Helmke, G & Levitsky, S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2/No. 4. P. 725 – 740.

Mandelbrot, B.B. Fractals: Form, Chance, and Dimension. San Francisco CA and Reading UK: W. H. Freeman & Co. 1977.

Mandelbrot, B.B. The Fractal Geometry of Nature. New York US and Oxford UK: W.H. Freeman and Company. 1982.

O'Connor, J.J. and Robertson E.F. Benoit Mandelbrot // <http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/Mathematicians/> (сайт Школы математики и статистики Университета св. Эндрюса, Шотландия, дата доступа: 10.05.2010г.).

Rieber, Alfred J. Chapter 21, The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton Univ. Press, 1991. P. 343 – 366.

Rueschemeyer, D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756 – 772.

Zhukov, D & Lyamin, S. Computer modeling of historical processes by means of fractal geometry // Historical Social Research. 2010. N 3. P. 323 – 350

Березин С.А., Ивлева А.М. Алгоритмы и рекурсивные функции. Новосибирск, 1999.

Божокин С.В., Паршин Д.А. Фракталы и мультифракталы. М. – Ижевск, 2001.

- Бородин Л.И. Методология анализа устойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. №1.
- Бородин Л.И. Синергетика в изучении устойчивых историко-политических процессов: от «равновесия ужаса» к «ужасу неравновесия» // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2007. С. 118 – 128.
- Бородин Л.И. Методология анализа устойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. Том 3. №1 (7).
- Буданов В.Г. Метод ритмокаскадов: о фрактальной природе времени эволюционирующих систем // Синергетика. Труды семинара. Т.2. Естественные, социальные и гуманитарные аспекты. М., 1999. С. 36 – 54.
- Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. 2000. № 3. С. 104 – 116.
- Гараедаги Дж. Системное мышление: Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск: Гревцов Букс, 2010.
- Глейк Дж. Хаос: создание новой науки. СПб., 2001.
- Данилов Ю.А. Лекции по нелинейной динамике. Элементарное введение. М., Постмаркет, 2001.
- Данилов Ю.А. Фрактальность. Красота фракталов // Данилов Ю. А. Прекрасный мир науки. Сборник. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- Жиков В.В. Фракталы // Соросовский образовательный журнал. Математика. 1996. № 12.
- Жуков Д.С. Лямин С.К. Живые модели ушедшего мира: фрактальная геометрия истории. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007.
- Жуков Д.С., Лямин С.К. Метафоры фракталов в общественно-политическом знании. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007.
- Жуков Д.С. Лямин С.К. Моделирование динамики средовых и ментальных характеристик городского социума средствами фрактальной геометрии // Информационный бюллетень Ассоциации “История и компьютер”. 2008. № 35.
- Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Возможности фрактального моделирования демографических процессов // Приложение к журналу Вестник Тамбовского университета «Кафедра российской истории». Тамбов, 2009.
- Жуков Д.С., Лямин С.К. Математический аппарат фрактальных моделей модернизационных процессов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №7. 2010 г.
- Жуков Д.С. Лямин С.К. Методология фрактального моделирования в исторических, политологических и иных социальных исследованиях: особенности понятийного и аналитического аппарата // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 7(87), 2010 г.
- Жуков Д.С. Лямин С.К. Моделирование динамики средовых и ментальных характеристик социума средствами фрактальной геометрии // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций. М., Барнаул, Томск: Издательство Московского университета, 2010.
- Жуков Д.С. Лямин С.К. Опыт создания фрактальных моделей модернизационного давления государственных институтов на общество в пореформенной России // В мире научных открытий. Специальный вы-

пуск «Перспективные исследования». 2010. №5(11). Часть 4.

Дьячков В.Л., Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917-1920 гг. методами фрактального моделирования // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010.

Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальное моделирование социально-политических феноменов и процессов // Pro nunc. Современные политические процессы. 2011. № 1(10).

Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальная модель развития сетевых связей в социально-культурной инфраструктуре русского города второй половины XIX – начала XX веков // Ineternum. 2010. Вып. 2(3).

Жуков Д.С., Лямин С.К. Варианты использования методов фрактальной геометрии в социальных и политических исследованиях // Ineternum. 2010. Вып. 2(3).

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фрактальное моделирование: технология и эвристическая продуктивность // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений (специальный выпуск). М. Издательство Московского университета, 2010.

Лямин С.К. Фрактальная имитационная модель социально-культурных сетевых связей в русском городе второй половины XIX – начала XX в.в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и

явлений М. Издательство Московского университета, 2010.

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. «Демофрактал»: индикаторы, шкалирование, результаты анализа для тамбовских сельских популяций периода 1920-1926 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 1(93), 2011

Жуков Д.С. Политический анализ и прогнозирование, курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010.

Жуков Д.С., Лямин С.К. Подходы к построению фрактальной модели трансформации административно-политических институтов // Fractal simulation. 2011. N1. С. 21 – 25.

Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальное моделирование социально-политических феноменов и процессов // Pro nunc. Современные политические процессы. 2011. № 10. С. 161 – 170.

Зудов Н.Е. Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов // Fractal simulation. N1. 2011.

Кроновер Р.М. Фракталы и хаос в динамических системах. М., 2000.

Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы. М: Институт компьютерных исследований, 2004.

Мандельброт Б. Фрактальная геометрия Природы. М., 2002.

Мандельброт Б., Хадсон Р. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах. М.: «Вильямс», 2006.

Морозов А. Д. Введение в теорию фракталов. Москва – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2002.

Морозов А.Д. Введение в теорию фракталов. Нижний Новгород, 1999.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. 1998. № 2.

Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146 – 168.

Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Экономический портал. <http://institutiones.com/strategies/960-strategii-modernizacii0institutii-i-koalicii.html>

Володин К.С., Сельцер Д.Г. Кто управляет? Классики элитологии о властвующих элитах городских общностей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 89. № 9. С. 234-238.

Сельцер Д.Г. Конкурирующие элиты и выборы в контексте политической истории России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 2. С. 144-151.

Сельцер Д.Г. Перестройка и дестабилизация номенклатурной организации власти в СССР // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 42-53.

Сельцер Д.Г. Субрегиональная номенклатура КПСС после распада СССР // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК POLITEX. 2007. Т. 3. № 2. С. 49-63.

Юрьев В.М., Сельцер Д.Г. Президентские выборы в РОССИИ: динамика общих и частных характеристик // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 9-18.

Федер Е. Фракталы. М: Мир, 1991.

Шабаршин А.А. Введение во фракталы // <http://www.getinfo.ru> («GetInfo.Ru – Компьютерная библиотека», дата доступа: 10.05.2010 г.)

Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. Ижевск, 2001.

